

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович

кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Аннотация:

В статье рассматривается крайне актуальный для современной России вопрос – влияние религиозного фактора на сферу межнациональных отношений в республиках Северного Кавказа. Автор, обращаясь к изучению сложной религиозно-политической ситуации, исследует негативные последствия деятельности радикальных религиозно-политических организаций на территории республик Северного Кавказа.

Ключевые слова:

Северный Кавказ, религия, ислам, религиозный экстремизм, салафизм, межнациональные отношения, терроризм, сунниты, шииты.

Gadzhiev Magomedemin Magomedrasulovich

PhD in Political Science, Assistant Professor, Philosophy, Social and Political Sciences Department, Dagestan State University

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE INTER-ETHNIC RELATIONS IN THE NORTH CAUCASUS

Summary:

The article discusses a quite urgent issue for the modern Russia – the influence of the religious factor on the sphere of interethnic relations in the North Caucasus republics. Studying the complex religious and political situation, the author considers the negative consequences of the activities of radical religious and political organizations in the republics of the North Caucasus.

Keywords:

North Caucasus, religion, Islam, religious extremism, Salafism, international relations, terrorism, Sunnites, Shiites.

В политической жизни Северного Кавказа религиозный фактор всегда играл определяющую роль, особенно в аспекте межнациональных отношений на территории региона. Исторически сложилось так, что именно сквозь призму религии осуществлялось влияние на характер межнациональных отношений на Кавказе. Религия выступала инструментом, направляющим политическую активность в регионе, в первую очередь способствуя возникновению надэтнической идентичности (речь идет прежде всего о северокавказских мусульманах). Воздействие религиозного фактора усилилось после начала российской экспансии на Северном Кавказе, и с конца XVIII в. по настоящее время именно религия рассматривалась в качестве способа консолидации северокавказских народов и выработки цельной идеологии сопротивления российской и советской власти в регионе.

В конце XX в., в процессе распада советской государственности и распространения националистических настроений в республиках Северного Кавказа, религиозный фактор стал использоваться сначала сторонниками политической независимости северокавказских республик, а затем и появившимися в регионе представителями радикальных направлений в исламе, в первую очередь – салафизма. Апеллируя к богатой истории национально-освободительной борьбы северокавказских народов за политическую независимость и религиозную идентичность, салафиты успешно применяли религиозный фактор для привлечения на свою сторону широких слоев населения, главным образом молодежи. Молодые кавказцы вовлекались в деятельность радикальных группировок, ориентированных на вооруженную борьбу против российской власти на Северном Кавказе, а затем и в террористическую деятельность на территории Российской Федерации – за пределами северокавказских республик.

Распространение терроризма на Северном Кавказе непосредственно связано с религиозным фактором. В первую очередь речь идет о таких регионах, как Чеченская Республика, Ингушетия, Дагестан, в меньшей степени – Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия, Ставропольский край, Северная Осетия – Алания и Адыгея. Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению вопроса о влиянии данного фактора на межнациональные отношения, следует обратиться к специфике ислама на Северном Кавказе. Известно, что в регионах Северо-Западного Кавказа распространены суннизм ханафитского мазхаба, к которому принадлежат адыгские народы, карачаевцы и балкарцы, осетины-мусульмане, а на Северо-Восточном Кавказе, то есть в Чечне, Ингушетии и Дагестане, – суннизм шафиитского мазхаба, к которому принадлежат чеченцы, ингуши и представители большинства дагестанских народов. Вторым важным аспектом распространения ислама на Северном Кавказе связан с утверждением трех ключевых суфийских религиозных орденов (тарикатов) – накшбандия, кадирия и шазалия. Ордена представляли собой сплоченные организации учеников – мюридов во главе с шейхами, призывавшими к полному

и безоговорочному повиновению. В Дагестане, а позже и Чечне, суфийские ордена тесно переплелись с местными этническими группами, тейпами и тукхумами [1, с. 111].

В период многолетней Кавказской войны суфийские тарикаты стали эпицентром объединения кавказских народов против Российской империи. Важнейшую роль здесь сыграла соответствующая политика Османской империи, которая в геополитическом противостоянии с Россией использовала религиозный фактор в качестве основного инструмента разжигания антироссийских настроений в среде народов Северного Кавказа. Более того, Османская империя прямо угрожала преследованием тем, кто откажется присоединиться к борьбе против «неверных». Объединить горские народы посредством обращения к их религиозным взглядам было гораздо проще, чем применять дискурс национально-освободительной борьбы. Объясняется это тем, что чеченцы, ингуши, многие этносы Дагестана еще не сформировали нации к моменту начала российской экспансии на Северном Кавказе. В условиях практического отсутствия государственности религиозный фактор становился основой формирования кавказской идентичности.

Однако в последующий период истории региона именно суфийские тарикаты, представляющие традиционный для Северного Кавказа ислам, стали скорее союзниками российской власти в борьбе против деятельности экстремистских и террористических группировок, в особенности связанных с проникшим из Саудовской Аравии и ряда других арабских стран салафизмом. Лидеры тарикатов прекрасно понимали, что распространение салафизма влечет за собой изживание суфизма на территории Северного Кавказа, а значит – суфийским тарикатам выгодна политика Российской Федерации по противоборству терроризму и экстремизму, препятствующая и распространению салафизма.

Рост числа приверженцев салафизма был обусловлен в первую очередь резким ухудшением социально-экономической ситуации на Северном Кавказе, разочарованием молодежи в политике руководства национальных республик и, что немаловажно, в деятельности традиционного духовенства региона. Оно с начала 1990-х гг. пыталось по-своему противостоять распространению салафизма в регионе, видя в нем угрозу собственным религиозным и политическим позициям. Еще в 1992 г. на Чрезвычайном объединительном съезде мусульманского духовенства Чеченской Республики было объявлено о существовании серьезной угрозы в лице распространения религиозного экстремизма [2]. Традиционное духовенство потребовало от светских властей Чечни полного запрета деятельности салафитов на территории региона. Однако эта задача в процессе дальнейшего обострения отношений с федеральными властями выполнена не была.

Во время первой чеченской кампании именно салафитские отряды превратились в наиболее непримиримые, воинственные и жестокие по отношению к федеральным силам и мирному населению. Эта причина, а в еще большей степени – зависимость от финансирования со стороны международных фондов и средств Саудовской Аравии заставили руководство сепаратистов смириться с деятельностью салафитов. Несколько позже последние заняли лидирующие позиции в чеченском сепаратистском движении, после чего оно перестало носить этносепаратистский характер и трансформировалось в религиозно-экстремистское движение, выступающее за ведение религиозной войны против «неверных» на всей территории России, а также и за ее пределами (что успешно демонстрируется в последнее время участием выходцев с Северного Кавказа в боевых действиях в Сирии на стороне запрещенной в России группировки «Исламское государство» и ряда других радикальных организаций).

Деятельность салафитов распространилась и на другие регионы Северного Кавказа, причем благоприятной почвой для усиления радикального ислама стало отсутствие значительного количества образованных богословов в среде традиционного духовенства, способных работать с местной молодежью. Салафитские проповедники, пользуясь сложившейся ситуацией, развивают активность в молодежной среде и вербуют новых сторонников, причем не только среди «этнических» мусульман, но и среди новообращенных, включая лиц русской национальности и др. И.П. Добаев подчеркивает, что «анализ материалов, связанных с деятельностью "молодежных джамаатов", позволяет сделать прогноз на перспективу: эти сетевые структуры доказали свои жизнеспособность, автономность и самовосстанавливаемость. Сегодня группировки боевиков-ваххабитов объединяются на новейшей идеологической основе, разработанной в зарубежных исламистских центрах и уже дополненной собственными идеологическими наработками. Неизбежной политической практикой носителей идеологии религиозно-политического экстремизма всегда был, есть и будет терроризм» [3, с. 5–7].

До 2013–2014 гг. основной террористической организацией, действующей на территории Северного Кавказа, оставался «Имарат Кавказ», сформировавшийся на основе чеченского сепаратистского движения и появившийся позже «молодежных джамаатов», проявлявших активность

в национальных республиках региона. Однако в настоящее время у «Имарата Кавказ» наблюдается новый активный соперник – «Исламское государство», призывающее к участию мусульман Северного Кавказа в джихаде на Ближнем Востоке.

Деятельность этой организации на Северном Кавказе фактически влечет за собой сокращение местного радикального подполья, поскольку его наиболее активные и воинственно настроенные участники отправляются в Сирию и Ирак сражаться на стороне «Исламского государства» [4]. Соответственно, ослабевают позиции «Имарата Кавказ» в северокавказских республиках, но и противопоставить что-либо пропаганде «Исламского государства» «Имарат Кавказ» не может, поскольку в отличие от последнего у «Исламского государства» есть отвоеванная территория с реально действующими шариатскими законами, собственные сражающиеся вооруженные формирования и т. д.

Наличие радикальных исламистских организаций на территории Северного Кавказа представляет собой непосредственную угрозу и межнациональным отношениям в регионе. Хорошо известно, что за последние два десятилетия в таких республиках Северного Кавказа, как Чечня, Ингушетия и Дагестан, значительно сократилось количество русского населения и вообще немусульманского. При этом в Чечне и Ингушетии оно фактически исчезло. Более того, уменьшается русское и казачье население в ряде районов Ставропольского края.

Российский социолог Михаил Романов считает, что сокращение численности русского населения на Северном Кавказе способствует отдалению данного региона от России в целом, но официальная национальная политика упорно этот факт игнорирует. Хотя даже в тексте Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» подчеркивается, что определенные трудности, которые РФ испытывала в постсоветский период, привели к «ограничению в некоторых субъектах Российской Федерации прав нетитульного, в том числе русского, населения» [5]. В то же время набор мероприятий, предлагаемых в рамках данной программы, носит, скорее, культурно-просветительский характер, что может в перспективе означать ее низкую эффективность в процессе практической реализации, особенно на территории национальных республик Северного Кавказа и в ряде пограничных (Ставропольский и Краснодарский края, Астраханская и Ростовская области) регионов.

Таким образом, одна из важнейших причин сохранения некоторой напряженности в сфере межнациональных отношений на Северном Кавказе – присутствие радикальных религиозных организаций, рассматриваемых немусульманским населением национальных республик в качестве потенциальной угрозы стабильности и порядку. Кроме того, немаловажную роль играет и официальная политика властей ряда национальных республик, направленная фактически на утверждение в них очевидного приоритета одной из традиционных конфессий. Данная проблема является очень серьезной в свете возможного возвращения в Чечню и Ингушетию русского населения. Как отмечает Ю.А. Будницкая, «в качестве основной задачи миграционной политики для национальных республик необходимо сократить процесс миграционного оттока русского населения из них и стимулировать возвращение русского населения в республики. Это позволит затормозить процесс этноизоляции национальных республик и будет способствовать восстановлению и в дальнейшем развитию тех сфер экономики (промышленность, образование, здравоохранение, крупное сельскохозяйственное производство), в которых было занято русское население» [6, с. 12].

В то же время крайне тревожным фактором выступает и невысокая эффективность политики по профилактике распространения радикальных взглядов в молодежной среде. Последнее, на наш взгляд, тесно связано с общим уровнем социально-экономического положения северокавказских республик, сложившихся в них социально-политических систем. Молодежь не видит альтернативы многочисленным проявлениям коррупции, кумовства, колоссальной социальной поляризации, поэтому и находит себя в радикальных движениях, отправляясь воевать за интересы «Исламского государства» в Сирию и Ирак. По нашему мнению, именно нормализация взаимоотношений между представителями традиционного ислама и «мирного» салафизма, о которой говорит и известный российский кавказовед А. Ярлыкапов, сможет значительно сократить количество молодежи, встающей на салафитские позиции, а затем под влиянием преследований со стороны правоохранительных органов уходящей в вооруженное подполье. Такой опыт, как отмечает А. Ярлыкапов, имеет Дагестан – здесь в 2010 г. было прекращено преследование «мирных» салафитов, предпочитающих проповедническую деятельность экстремистской, после чего между традиционным духовенством и салафитами установилось относительное взаимопонимание [7]. Подобная практика при соответствии конкретике республик может быть использована и в других регионах Северного Кавказа в целях обеспечения безопасного развития в условиях вызовов современной реальности [8].

Таким образом, мы можем отметить, что религиозный фактор оказывает серьезное влияние на межнациональные отношения в республиках Северного Кавказа. В первую очередь оно проявляется в последствиях деятельности радикальных религиозных организаций и группировок, негативно воздействующих на социально-политическую стабильность региона, прибегающих к совершению противоправных действий, способствующих оттоку немусульманского населения из ряда национальных республик Северного Кавказа. Минимизация данного негативного фактора может быть связана как с мерами правоохранительного характера, так и с нормализацией взаимоотношений между традиционным исламом и представителями «мирного» крыла фундаменталистов. В любом случае вне общей модернизации социально-политической и социально-экономической системы улучшение религиозно-политической ситуации в регионе вряд ли возможно.

Ссылки:

1. Савенко Г.П. Религиозный фактор и его роль в обосновании террористической деятельности на Северном Кавказе: исторический опыт и современная практика // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. Т. 4, № 8. С. 108–113.
2. Музаев Т. Этнический сепаратизм в России. М., 1999.
3. Добаев И.П. Современный терроризм: региональное измерение / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2009. С. 5–7.
4. Ярлыкапов А. Современный ислам на Кавказе: глобальное и региональное [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document268592.phtml> (дата обращения: 05.11.2015).
5. Романов М. Почему мы теряем Северный Кавказ? [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2013/48/pochemu-myi-teryaem-severnyij-kavkaz> (дата обращения: 06.11.2015).
6. Будницкая Ю.А. Демографические и миграционные процессы, их этнокультурные особенности в субъектах Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009.
7. Ярлыкапов А. Указ. соч.
8. Самыгин С.И., Верещагина А.В. Глобальные вызовы современности и безопасность цивилизации третьего тысячелетия // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2014. Т. 2, № 6.

References:

1. Savenko, GP 2007, 'The religious factor and its role in the justification of terrorism in the North Caucasus: historical experience and modern practice', *Scientific statements Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Computer science*, vol. 4, no. 8, p. 108-113.
2. Muzaev, T 1999, *Ethnic separatism in Russia*, Moscow.
3. Dobaev, IP 2009, *Modern terrorism: regional dimension*, Rostov-on-Don, p. 5-7.
4. Yarlykapov, A 2015, *Modern Islam in the Caucasus: global and regional*, retrieved 05 November 2015, <<http://old.mgimo.ru/news/experts/document268592.phtml>>.
5. Romanov, M 2013, *Why do we lose the North Caucasus?*, retrieved 06 November 2015, <<http://expert.ru/expert/2013/48/pochemu-myi-teryaem-severnyij-kavkaz>>.
6. Budnitskaya, YA 2009, *Demographic and migration processes, their ethno-cultural characteristics in the subjects of the North Caucasus*, PhD thesis abstract, Moscow.
7. Yarlykapov, A 2015, *Modern Islam in the Caucasus: global and regional*, retrieved 05 November 2015, <<http://old.mgimo.ru/news/experts/document268592.phtml>>.
8. Samygin, SI & Vereshchagina, AV 2014, 'Global challenges and security of civilization of the third millennium', *European Journal of Social Sciences*, no. 6, vol. 2.